
ЦИФРОВАЯ СРЕДА

Социальное государство в цифровую эпоху: цифровые возможности или цифровое неравенство

УДК 32.019.5.004

DOI 10.26425/2658-347X-2025-8-2-27-44

Получено 07.06.2025

Доработано после рецензирования 30.06.2025

Принято 02.07.2025

Арамисов Тимур Русланович

Директор Центра социально-политических исследований, ст. преп. каф. теории и технологии социальной работы

ORCID: 0009-0002-7842-8931

E-mail: timur_aramisov@mail.ru

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются трансформации социальной политики в условиях цифровизации на уровне субъектов Российской Федерации. Целью исследования является выявление влияния цифровых решений на реализацию принципов социального государства и снижение социального неравенства в различных региональных контекстах. В качестве эмпирических кейсов проанализированы Санкт-Петербург, Тюменская область, Кабардино-Балкарская Республика и Забайкальский край – регионы, демонстрирующие контрастные уровни цифровой зрелости, бюджетной обеспеченности и институциональной развитости. Методология включает качественный контент-анализ стратегических документов и публичных речей, сопоставление цифровых индикаторов (уровень охвата интернетом, использование платформы «Госуслуги», цифровая грамотность), а также вторичный анализ статистических и нормативных

источников за 2021–2024 гг. Полученные результаты позволили выделить четыре региональные модели цифровой социальной политики, различающиеся по степени интеграции цифровых технологий и социальной инклюзивности. Установлена устойчивая связь между институциональными возможностями регионов и глубиной цифровой трансформации. Подчеркнута необходимость культурной адаптации цифровых сервисов и развития инфраструктуры на отдаленных и этнически неоднородных территориях. Сделан вывод о том, что цифровизация способна как снижать, так и усиливать социальную стратификацию, в зависимости от управленческих подходов и ресурсов. Результаты могут быть использованы в социологических и управленческих исследованиях цифрового государства, проектировании инклюзивных цифровых сервисов и в разработке региональных программ социальной поддержки.

Ключевые слова

Социальное государство, цифровизация, цифровое неравенство, цифровая трансформация, региональная политика, социальные услуги, социальная справедливость, институциональные барьеры, проактивные услуги

Для цитирования

Арамисов Т.Р. Социальное государство в цифровую эпоху: цифровые возможности или цифровое неравенство // Цифровая социология. 2025. Т. 8. № 2. С. 27–44.

© Арамисов Т.Р., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

DIGITAL ENVIRONMENT

Welfare state in the digital age: digital opportunities or digital inequality

Received 07.06.2025

Revised 30.06.2025

Accepted 02.07.2025

Timur R. Aramisov

Director of the Centre for Socio-Political Studies, Senior Lecturer at the Theory and Technology of Social Work Department

ORCID: 0009-0002-7842-8931

E-mail: timur_aramisov@mail.ru

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

ABSTRACT

This article explores the transformation of social policy in the context of digitalisation at the level of the Russian Federation's regions. The purpose of the study is to identify the impact of digital technologies on the implementation of welfare state principles and reduction of social inequality in various regional contexts. Empirical cases include Saint Petersburg, Tyumen Oblast, Kabardino-Balkarian Republic, and Zabaykalsky Krai – the regions representing contrasting levels of digital maturity, budgetary capacity, and institutional development. The methodology is based on qualitative content analysis of strategic documents and public speeches, comparison of digital indicators (internet penetration, use of the “Gosuslugi” platform, digital literacy), and secondary analysis of statistical and regulatory sources for

2021–2024. The results enabled the identification of four regional models of digital social policy, differing in terms of technological integration and social inclusiveness. A stable correlation is established between institutional capacity and depth of digital transformation. The study highlights the importance of cultural adaptation of digital services and infrastructure development in remote and ethnically diverse areas. The findings confirm that digitalisation can either reduce or exacerbate social stratification, depending on management strategies and resource availability. These results can be applied in sociological and public policy studies of the digital state, in the design of inclusive digital services, and in the development of regional social support programmes.

Keywords

Welfare state, digitalisation, digital inequality, digital transformation, regional policy, social services, social justice, institutional barriers, proactive services

For citation

Aramisov T.R. (2025) Welfare state in the digital age: digital opportunities or digital inequality. *Digital sociology*. Vol. 8, no 2, pp. 27–44. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-2-27-44

© Aramisov T.R., 2025.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Цифровая трансформация становится определяющим трендом современного этапа социально-экономического и политического развития, оказывая влияние на все сферы общественной жизни. Современные государства активно внедряют цифровые технологии в процессы управления, стремясь к повышению эффективности, прозрачности и адресности социальных институтов. Одновременно с этим цифровизация не только перестраивает административную инфраструктуру, но и трансформирует саму природу социальных взаимодействий между государством и гражданином, формируя новые механизмы социальной включенности и исключения. В этом контексте трансформация социального государства под влиянием цифровых технологий становится не просто необходимостью, а важнейшим условием для обеспечения социальной справедливости и устойчивого развития [Абрамов, Андреев, 2024; Орехов, Чубаров, 2024].

Внедрение цифровых инструментов в социальную сферу открыло широкие горизонты для повышения эффективности предоставления услуг, оптимизации административных процессов и обеспечения адресности социальной помощи. С одной стороны, интеграция новейших информационных технологий в социальную сферу создает возможности для снижения социального неравенства и улучшения качества жизни людей. С другой стороны, цифровизация несет в себе и риски – прежде всего усиление цифрового неравенства, которое может перерасти в новую форму социальной стратификации, обусловленную доступом к технологиям, уровнем цифровой компетентности и инфраструктурной обеспеченностью [Платонова, 2024; Казанбиева, 2023].

В условиях расширяющегося использования цифровых платформ и алгоритмов в системе социальной защиты (далее – соцзащита) встает вопрос: в какой мере цифровые инструменты способствуют укреплению социального государства, а в какой – порождают новые формы социального неравенства? Проблема заключается в растущем противоречии между декларируемыми возможностями цифровизации – расширением доступности, персонализации и эффективности социальной помощи – и практическими проявлениями цифрового неравенства, охватывающего как доступ к инфраструктуре, так и способность граждан результативно использовать цифровые ресурсы. Это делает актуальным исследование трансформации модели социального государства в условиях цифровой эпохи с акцентом на региональные различия и асимметрии.

Цель настоящего исследования – выявить особенности реализации принципов социального государства в условиях цифровизации в рамках российских регионов с фокусом на сравнительном анализе субъектов, демонстрирующих различный уровень цифровой зрелости и институциональной готовности.

В ходе исследования нами проверены следующие гипотезы.

1. Несмотря на общенациональные усилия по цифровизации социальной сферы, различия в уровне цифрового развития между регионами усиливают социальную стратификацию и ограничивают доступ к социальным благам в менее развитых субъектах Российской Федерации (далее – РФ, Россия).

2. Чем выше бюджетная обеспеченность и институциональный потенциал субъекта РФ, тем выше уровень цифровой зрелости социальной политики и доступности цифровых социальных услуг.

3. Региональные модели цифровизации социальной политики формируются в зависимости от контекста: этнокультурного, инфраструктурного и институционального, что приводит к множественности траекторий цифровой модернизации.

4. При должной поддержке цифровые технологии могут компенсировать часть социально-экономических и географических ограничений в доступе к социальной помощи даже в отдаленных и ресурсно-ограниченных регионах.

Вышеперечисленные гипотезы выдвинуты по ряду причин.

Первая гипотеза проверяет тезис о том, что цифровое неравенство становится неотъемлемой частью социальной стратификации в условиях цифровизации. Она основывается на концепциях Я. ван Дейка, В. Юбэнкса и других исследователей, подчеркивающих, что неравный доступ к цифровым ресурсам – будь то техническая инфраструктура, цифровая грамотность или институциональная поддержка – порождает новые формы социальной исключенности и усиливает уже существующие линии неравенства.

Вторая гипотеза основана на наблюдаемой взаимосвязи между экономическим положением региона и степенью цифровизации социальной политики. Регионы с высоким уровнем бюджетной обеспеченности (например, Тюменская область или Санкт-Петербург) имеют больше ресурсов для внедрения цифровых платформ, финансирования ИТ-проектов (ИТ – информационные технологии) и подготовки кадров. Данные Министерства цифрового развития, связи и массовых

коммуникаций РФ (далее – Минцифры РФ), Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) и экспертных оценок подтверждают, что финансовые возможности оказывают решающее влияние на темпы и качество цифровых преобразований.

Третья гипотеза вытекает из разнообразия институциональных моделей цифровизации, наблюдаемого в регионах. Подход кейс-стади позволил зафиксировать, что даже при наличии единого федерального вектора регионы реализуют цифровую трансформацию в соответствии с локальными особенностями – будь то этнокультурный контекст, урбанистическая структура или административные традиции. Это подтверждает актуальность концепции локальных цифровых траекторий, ориентированных на адаптацию общих решений к специфике территории.

Четвертая гипотеза связана с предположением о компенсаторном потенциале цифровых технологий. Даже в условиях слабой инфраструктурной обеспеченности цифровые решения, в частности проактивные выплаты, онлайн-сервисы и дистанционное взаимодействие с государством, позволяют сгладить территориальные и социальные различия. Примеры из Кабардино-Балкарии и Забайкальского края подтверждают, что цифровизация способна выполнять функцию расширения доступа к социальным благам, особенно в удаленных и маломобильных сообществах.

Таким образом, выдвинутые гипотезы логично следуют из наблюдаемых эмпирических тенденций, современных теоретических подходов и цели исследования – осмыслить специфику цифровой трансформации социальной политики в региональном контексте.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ / REVIEW OF SCHOLARLY LITERATURE

Изучение влияния цифровизации на социальную сферу представляет собой междисциплинарное направление, находящееся на пересечении социологии, политологии, социальной философии и исследований в области публичного управления. В зарубежной научной традиции значительное внимание уделяется проблеме цифрового неравенства, в частности, в контексте трансформации социального государства. Классическими считаются труды Я. ван Дейка [Dijk van, 2005], в которых оно рассматривается не только как неравенство доступа, но и как неравенство в навыках и способности к социальному использованию цифровых ресурсов. В работах В. Эубэнкс [Eubanks, 2018] и М. Хиндмана [Hindman,

2018] подчеркивается, что цифровые платформы часто усиливают системное неравенство за счет автоматизации бюрократии и снижения человеческого участия в принятии решений. В. Хинц и соавторы акцентируют внимание на двойственной роли цифровизации как инструмента эмпауэрмента и как технологии надзора и исключения [Hintz, Dencik, Wahl-Jorgensen, Arslan, 2019].

Современные зарубежные исследования демонстрируют рост критического подхода к цифровой трансформации социальной политики. Так, Н. Кулдри и У.А. Мехиас вводят понятие цифрового колониализма в социальном управлении [Couldry, Mejias, 2019], в то время как М. Грэм и К. Дорнинг поднимают вопрос цифрового ландшафта глобального неравенства [Graham, Dorning, 2022]. Особенно интенсивно изучаются практики алгоритмического принятия решений в социальной сфере, что нередко приводит к институционализации предвзятости. Наряду с этим исследования Организации экономического сотрудничества и развития фиксируют как позитивные эффекты цифровых решений для повышения адресности социальной поддержки (далее – соцподдержка), так и риски исключения уязвимых групп, не вовлеченных в цифровую среду^{1,2}.

В российской науке наблюдается устойчивый рост интереса к проблематике цифровизации и социального государства. Среди значимых работ последних лет можно выделить исследование В.И. Абрамова и В.Д. Андреева, посвященное стратегическим моделям цифровой трансформации в российских регионах [Абрамов, Андреев, 2023]. А.Х. Казанбиева выявляет значительные различия в уровне цифровизации субъектов России, связывая их с типом региона и уровнем социально-экономического развития [Казанбиева, 2023]. А.М. Орехов и Н.А. Чубаров рассматривают цифровую справедливость как новый нормативный стандарт социальной политики [Орехов, Чубаров, 2024]. С.И. Платонова анализирует цифровое неравенство как метаструктурную форму социальной стратификации [Платонова, 2024]. Н.Л. Зуева, В.В. Коровкин, Г.В. Колосова исследуют институциональные и управленческие аспекты цифровизации социальной сферы, включая вопросы цифровой компетентности

¹ Organization for Economic Co-operation and Development. Development co-operation report 2021: shaping a just digital transformation. Режим доступа: https://www.oecd.org/en/publications/development-co-operation-report-2021_ce08832f-en.html (дата обращения: 01.06.2025).

² Organization for Economic Co-operation and Development. Digital education outlook 2023. Towards an effective digital education ecosystem. Режим доступа: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-digital-education-outlook-2023_c74f03de-en.html (дата обращения: 01.06.2025).

населения и эффективности внедрения цифровых платформ для оказания социальных услуг [Зуева, 2022; Коровкин, 2020; Колосова, 2023].

Особый интерес представляют кросс-региональные и компаративные исследования. В частности, Ю.А. Кабанов, А.Г. Санина и Е.М. Стырин проводят масштабное кросс-национальное исследование взаимосвязи цифровой трансформации и социально-экономического неравенства, выделяя российский кейс как типичный для стран с высокой цифровой инфраструктурой, но с низким уровнем цифрового включения отдельных категорий граждан [Кабанов, Санина, Стырин, 2024]. В ряде работ фиксируется, что региональные различия в цифровой доступности и компетенциях значительно превышают межгрупповые различия на уровне социального статуса, особенно в восточных и южных регионах России. Это свидетельствует о необходимости территориально чувствительного подхода к исследованию цифрового государства.

В работах по региональному исследованию цифровой трансформации А.Р. Атласкиров анализирует специфику восприятия и реализации цифровизации в Кабардино-Балкарской Республике (далее – КБР). В его статье «Цифровая трансформация в традиционном обществе...» на основе эмпирического материала (50 глубинных интервью) выявлены двойственные тенденции – признание необходимости цифровых решений при одновременной тревоге за сохранение культурных и социокультурных норм [Атласкиров, 2023]. Он подчеркивает, что для устойчивого цифрового развития необходима культурно-чувствительная социальная политика, сочетающая инновации с опорой на локальную идентичность. А.Р. Атласкиров рассматривает влияние цифровизации на молодежь и рынок труда, выявляя риски социальной дезадаптации в условиях ускоренной автоматизации. Его подход актуализирует необходимость этико-гуманитарного анализа цифровой трансформации, особенно в отношении уязвимых категорий граждан и регионов с выраженными традиционалистскими структурами.

Таким образом, обзор литературы показывает, что цифровая трансформация представляет собой не только технологическое, но и социальное явление, глубоко влияющее на структуру и принципы действия социального государства. Наряду с очевидными преимуществами – эффективностью, доступностью, персонализацией – усиливаются риски цифрового исключения, маргинализации и репродукции неравенства в новых формах. Это подчеркивает необходимость комплексного, междисциплинарного анализа

цифровизации как ресурса и как вызова для современного социального государства, особенно в условиях региональной поляризации и культурной неоднородности.

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ / METHODOLOGY AND THEORETICAL FOUNDATIONS

Методологической основой исследования является сравнительно-аналитический подход, позволяющий выявить сходства и различия в реализации принципов социального государства в условиях цифровой трансформации на уровне субъектов России. Такой подход обоснован необходимостью территориально чувствительного анализа цифровой модернизации социальной политики, учитывающего как институциональные особенности, так и социально-культурные контексты регионов. В качестве объектов сравнительного анализа выбраны Санкт-Петербург, КБР, Тюменская область и Забайкальский край – субъекты, различающиеся по уровню цифрового развития, административным ресурсам и социальной инфраструктуре. Эти различия позволяют проследить, как общенациональная цифровая повестка реализуется в условиях регионального разнообразия, и определить факторы, способствующие или препятствующие эффективному внедрению цифровых решений в социальной сфере. Москва не была включена в выборку, поскольку она, являясь наиболее развитым в цифровом отношении субъектом России, существенно опережает среднерегionalные показатели, что затрудняет проведение сопоставительного анализа и ограничивает возможность выявления тенденций, характерных для большинства регионов страны.

Эмпирическую базу исследования составили более 50 документов за 2021–2024 гг. Этот массив включает федеральные стратегии (национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»³, а также стратегии цифровой трансформации, разработанные Минцифры РФ и Министерством труда и социальной защиты России (далее – Минтруд России), региональные программы цифровизации социальной сферы, ежегодные отчеты органов исполнительной власти четырех регионов (Санкт-Петербурга, Тюменской области, КБР, Забайкальского края), а также публичные выступления и послания глав

³ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Режим доступа: <https://digital.gov.ru/target/nacziionalnaya-programma-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 01.06.2025).

указанных субъектов, опубликованные на официальных порталах.

Контент-анализ этих материалов проводился на основе тематической сетки, включающей следующие ключевые категории: уровень цифровой зрелости; ориентация на уязвимые группы населения; проактивность предоставления услуг; межведомственное взаимодействие; развитие цифровой инфраструктуры; упоминания цифрового неравенства и цифровой грамотности. Документы анализировались как с точки зрения содержательных приоритетов (какие аспекты и цели цифровизации акцентируются в тексте), так и с точки зрения дискурсивных репрезентаций – того, каким языком и в каких контекстах описываются цифровые преобразования. Такой подход позволил выявить региональные особенности цифровизации, основные барьеры на пути внедрения цифровых решений и различающиеся управленческие модели реализации цифровой трансформации социальной политики.

Дополнительно был проведен вторичный анализ статистических данных, призванный количественно отразить уровень цифрового развития социальной сферы. Для этого использовались сведения Росстата, Минцифры и Минтруда России и профильных региональных органов исполнительной власти, включая такие индикаторы, как уровень цифровой грамотности населения; доля граждан, зарегистрированных на Едином портале государственных услуг; охват Единой государственной информационной системы социального обеспечения (далее – ЕГИССО); количество проактивных социальных выплат; уровень интернет-охвата населения; доля социальных услуг, предоставляемых в цифровом формате; участие населения в суперсервисах (комплексных цифровых услугах).

Сочетание качественного контент-анализа с анализом количественных показателей позволило сопоставить декларируемые приоритеты цифровой повестки с фактическими результатами цифровизации. Такой комплексный подход обеспечивает всесторонний взгляд на трансформацию модели социального государства в цифровую эпоху – от идеологических и программных установок в документах до практических эффектов, отраженных в статистике. В результате повышаются аналитическая глубина и надежность выводов исследования, раскрывая как общие тенденции, так и специфические для отдельных регионов траектории, ограничения и управленческие подходы цифровой модернизации социальной сферы.

В исследовании используется также метод *case-study*, позволяющий детально реконструировать региональные траектории цифровизации

социальной политики. Каждый из рассматриваемых кейсов анализируется с точки зрения институциональных условий (уровень цифровой инфраструктуры, наличие кадровых ресурсов, участие в федеральных инициативах), социокультурных факторов (цифровая культура населения, отношение к государственным цифровым практикам), а также политико-административных особенностей (инициативность регионального руководства, степень открытости и взаимодействия с гражданским обществом). Такой подход позволяет избежать упрощенного технократического взгляда на цифровизацию и выявить глубинные механизмы воспроизводства (или преодоления) цифрового неравенства в социальном поле.

Теоретической основой исследования выступает синтез двух концептуальных направлений. С одной стороны, используются классическая теория социального государства, восходящая к работам Т.Х. Маршалла, рассматривающего гражданство как совокупность гражданских, политических и социальных прав [Marshall, 1950], а также типология моделей социального государства, предложенная Г. Эспинг-Андерсеном [Esping-Andersen, 1990], в рамках которой анализируются трансформации принципов солидарности, перераспределения и социальной справедливости в условиях изменяющихся экономико-политических реалий. С другой стороны, в исследование интегрированы идеи теории цифрового неравенства, предложенные Я. ван Дейком [Dijk van, 2005], В. Эюбэнкс [Eubanks, 2018] и М. Хиндманом [Hindman, 2018], в которых цифровизация рассматривается как источник нового социального расслоения, связанного с асимметрией навыков цифровых технологий, доступа к ним и способности к их эффективному использованию. Такое теоретическое сопряжение позволяет анализировать цифровую трансформацию не просто как модернизацию инфраструктуры, а как социальный процесс, влияющий на перераспределение ресурсов, социальных прав и механизмов включения/исключения граждан.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ / DIGITALISATION OF SOCIAL POLICY IN CONTEMPORARY RUSSIA: NATIONWIDE CONTEXT

На современном этапе развития РФ демонстрирует устойчивую тенденцию к активному внедрению цифровых технологий в социальную сферу. Эти процессы затрагивают ключевые аспекты государственной социальной политики

и способствуют значительным институциональным, процедурным и культурным изменениям в модели предоставления услуг населению. Стратегия цифровой трансформации социальной сферы опирается на использование передовых решений в области информационно-коммуникационных технологий, включая искусственный интеллект (далее – ИИ), анализ больших данных, интернет вещей, технологии биометрической идентификации и блокчейн.

Пандемия COVID-19 стала катализатором цифровых изменений: в условиях вынужденной удаленности акцент был сделан на перевод значительного объема социальных услуг в онлайн-форматы. Это обстоятельство вызвало быструю адаптацию органов государственной власти к новым реалиям, а также ускорило поведенческую трансформацию со стороны потребителей социальных услуг. Начался переход от бумажных и очных форматов к проактивным и автоматизированным сервисам, где взаимодействие с государством осуществляется преимущественно дистанционно, в частности, без необходимости подачи заявлений или сбора документов.

Одним из ключевых достижений цифровизации социальной политики является развитие Единого портала государственных и муниципальных услуг, предоставляющего широкий спектр электронных сервисов: от записи к врачу до оформления материнского капитала. Это позволило снизить административные барьеры, повысить прозрачность процедур и обеспечить более равномерный доступ к услугам независимо от территориального положения. Так, в период пандемии, в рамках модели социального казначейства, выплаты на детей школьного возраста получили родители почти 21 млн детей на общую сумму около 210 млрд руб.⁴ Эти средства были распределены без заявлений, что значительно снизило нагрузку на население и систему управления.

Еще одним направлением цифровой трансформации стало внедрение автоматизированных систем предоставления услуг. Так, в сфере занятости реализована концепция электронного личного дела, предусматривающая межведомственный обмен информацией и автоматическое назначение выплат. Электронные системы мониторинга позволяют на постоянной основе отслеживать изменения на рынке труда, формируя актуальные базы вакансий и предложений в режиме реального времени.

⁴ Уточненные отчеты о ходе реализации государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» и ее структурных элементов за 2023 год. Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/docs/2646> (дата обращения: 01.06.2025).

Отдельного внимания заслуживает развитие механизмов проактивного предоставления услуг, когда государственная система сама инициирует оказание поддержки на основе анализа данных о жизненных событиях гражданина. Например, с 2023 г. отдельные услуги Фонда пенсионного и социального страхования, такие как регистрация в системе индивидуального учета и оформление пенсий или сертификатов на материнский капитал, предоставляются автоматически на основании информации из государственных реестров⁵. Такие изменения приближают модель российского социального государства к концепции государства без заявлений (англ. *no-application government*).

Также важными трендами стали омниканальность предоставления услуг – их доступность через различные каналы (веб-порталы, мобильные приложения, многофункциональные центры (далее – МФЦ) и колл-центры), а также экстерриториальность, позволяющая гражданам получать услуги независимо от места проживания. Это реализуется через развитие ЕГИССО, а также запуск суперсервисов «Пенсия онлайн», «Инвалидность онлайн», «Социальная поддержка онлайн» и др.

Особое внимание уделяется персонализации и адресности социальных мер. Современные цифровые сервисы позволяют учитывать реальные жизненные обстоятельства и уровень нуждаемости граждан при назначении поддержки. К примеру, в сфере занятости активно применяются технологии интеллектуального подбора вакансий, основанные на анализе цифровых профилей соискателей и потребностей работодателей.

Таким образом, текущий этап цифровой трансформации социальной политики в России характеризуется не только техническими инновациями, но и институциональными изменениями, отражающими принципы проактивности, адресности, равного доступа и эффективности. Эти процессы составляют базис для дальнейшего развития цифрового социального государства и формируют основу для межрегионального сравнительного анализа, позволяющего выявить специфику цифровой трансформации в субъектах РФ, различных с социально-экономической и культурных точек зрения.

⁵ Приказ Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации от 17.02.2023 № 210 «Об утверждении Перечня государственных услуг, предоставляемых Фондом пенсионного и социального страхования Российской Федерации». Режим доступа: <https://sfr.gov.ru/order/adminreg/~9764> (дата обращения: 01.06.2025).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – ЦИФРОВАЯ ЗРЕЛОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ / ST. PETERSBURG: DIGITAL MATURITY AND SOCIAL INNOVATION

Санкт-Петербург по праву считается одним из наиболее продвинутых субъектов РФ в области цифровой трансформации социальной сферы. Регион демонстрирует высокий уровень цифровой зрелости, что подтверждается как официальными рейтингами, так и данными исследовательских центров. В 2023 г. город занял 2-е место в национальном рейтинге цифровизации регионов, уступив лишь Москве, и вошел в число пилотных субъектов по реализации федеральной инициативы «Цифровой профиль гражданина» и суперсервиса «Социальная поддержка онлайн»⁶. Одной из ключевых черт цифровизации социальной политики в Санкт-Петербурге является системный и координированный подход к трансформации, который опирается на стратегические документы и практику межведомственного взаимодействия.

С 2021 г. в Санкт-Петербурге реализуется «Концепция цифровой трансформации отраслей социальной сферы до 2030 года», в рамках которой уже в 2025 г. планируется перевести более 90 % социальных услуг в цифровой формат, а значительную часть – в формат беззаявительного назначения мер поддержки⁷. Центральным элементом цифровой инфраструктуры стала Единая региональная информационная система социального обеспечения, предоставляющая автоматический обмен данными между ведомствами, формирование цифровых профилей получателей помощи и автоматическое назначение мер поддержки. Она позволяет учитывать индивидуальные особенности и жизненные ситуации граждан, снижая зависимость от бумажных процедур и субъективного фактора.

Особое внимание уделяется внедрению интеллектуальных систем анализа данных. С 2023 г. реализуется проект по прогнозированию рисков уязвимости семей с детьми на основе более чем 40 параметров, включая уровень доходов, статус занятости, успеваемость детей и обращаемость за медицинской помощью. В рамках проекта

⁶ Ситуационно-информационный центр Министерства транспорта Российской Федерации. Рейтинг цифровой зрелости регионов РФ – 2023. Режим доступа: <https://sicmt.ru/dmrating> (дата обращения: 01.06.2025).

⁷ Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Санкт-Петербурга. Режим доступа: https://kis.gov.spb.ru/media/content/docs/5915/Стратегия_ЦТ_СПб_22-09-2022_подп2.pdf (дата обращения: 01.06.2025).

разработан алгоритм, позволяющий на раннем этапе выявлять группы риска и проактивно предлагать адресную поддержку. Благодаря этому подходу социальные службы получают возможность действовать упреждающе, а не реактивно, что значительно повышает эффективность социальной политики.

Цифровизация в Санкт-Петербурге охватывает не только инфраструктурный, но и пользовательский уровень. Развиваются омниканальные сервисы и цифровые приложения, позволяющие гражданам получать услуги через разные каналы, – от порталов и мобильных приложений до голосовых помощников и чат-ботов. «Госуслуги Санкт-Петербурга» предоставляет доступ к широкому спектру услуг, включая оформление пособий, запись на прием, получение информации о соцподдержке. Активно развивается направление экстерриториальности – жители города могут получать услуги вне зависимости от места пребывания благодаря полной интеграции с федеральной системой межведомственного взаимодействия. Это особенно важно для мобильных групп населения – студентов, временно перемещенных работников, лиц, проходящих лечение в других регионах.

Примером социального инновационного подхода может служить внедрение модели электронного социального сертификата, реализуемой через партнерство с негосударственными поставщиками. Гражданин получает возможность самостоятельно выбирать организации, у которых он может получить услуги с использованием цифрового ваучера – будь то курсы реабилитации, сопровождение инвалидов, логопедическая помощь или другие сервисы. Такая модель способствует как расширению доступных услуг, так и повышению адресности соцподдержки. Не менее значимыми являются цифровые решения в сфере занятости. Платформа «Содействие занятости» объединяет данные о вакансиях, образовательных курсах и работодателях, предоставляя гражданам возможность подбора работы и повышения квалификации в онлайн-формате. По официальным данным, более 120 тыс. горожан воспользовались платформой за 2022–2023 гг.

Таким образом, опыт Санкт-Петербурга демонстрирует высокую степень интеграции цифровых решений в социальную политику региона. Комплексный подход к трансформации, основанный на автоматизации, интеллектуальном анализе и расширении пользовательских возможностей, способствует формированию новой модели взаимодействия между государством и гражданином в социальной сфере. Этот кейс может

рассматриваться как образец устойчивой цифровой зрелости, обеспечивающей не только повышение эффективности управления, но и приближение социальной политики к принципам адресности, доступности и превентивности.

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ: ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ СБАЛАНСИРОВАННОГО СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ / TYUMEN REGION: DIGITAL TRANSFORMATION AS A STRATEGY FOR BALANCED SOCIAL DEVELOPMENT

Тюменская область представляет собой пример региона с устойчивым уровнем цифрового развития, сочетающим в себе как элементы передовой цифровой инфраструктуры, так и особенности социальной специфики золотой середины среди субъектов России. Область стабильно входит в первые 20 регионов по уровню цифровизации в рамках различных федеральных рейтингов, таких как Индекс цифровой зрелости субъектов РФ и Рейтинг готовности регионов к цифровой трансформации⁸. Это позволяет рассматривать Тюменскую область как репрезентативную площадку для анализа того, каким образом цифровизация трансформирует социальную политику в условиях умеренной урбанизации, сбалансированной экономики и наличия как городских, так и сельских территорий.

Цифровая трансформация в социальной сфере региона осуществляется в соответствии со Стратегией в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Тюменской области⁹, а также Стратегией социально-экономического развития до 2030 г.¹⁰ Одним из центральных направлений является перевод услуг соцзащиты в модель социального казначейства. Так, в 2022 г. был реализован пилотный проект по беззаявительному назначению ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет. Благодаря интеграции региональной системы социального обеспечения с федеральными реестрами

⁸ Ситуационно-информационный центр Министерства транспорта Российской Федерации. Рейтинг цифровой зрелости регионов РФ – 2023. Режим доступа: <https://sicmt.ru/dmrating> (дата обращения: 01.06.2025).

⁹ Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Тюменской области. Режим доступа: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2023/09/tumenskaya-obl-strategiya-ct-07.09.23.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁰ Закон Тюменской области от 24.03.2020 г. № 23 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Тюменской области до 2030 года». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/570710699> (дата обращения: 01.06.2025).

гражданам больше не требуется собирать справки – система самостоятельно анализирует право на выплату и инициирует ее предоставление¹¹. Это говорит о растущем доверии к механизмам цифрового социального казначейства как инструмента повышения адресности и снижения транзакционных издержек.

Важным элементом цифровизации выступает система автоматизированного назначения мер поддержки, реализованная через региональную платформу «Социальный навигатор». Платформа аккумулирует информацию о всех доступных формах помощи и позволяет жителям региона получать персонализированные рекомендации на основе введенных данных о жизненной ситуации, составе семьи, уровне дохода. Это обеспечивает индивидуализацию подходов и способствует реализации принципа справедливости при распределении ресурсов. Особое внимание уделяется уязвимым категориям населения: малоимущим семьям, людям с инвалидностью, пожилым гражданам. Так, с 2021 г. в регионе действует система мониторинга цифровой доступности социальных услуг для людей с ограниченными возможностями здоровья, а также развернуты обучающие курсы по цифровой грамотности в рамках проекта «Старшее поколение онлайн»¹².

Цифровые технологии активно применяются в сфере занятости. Регион одним из первых подключился к федеральной платформе «Работа в России», интегрировав в нее региональные данные. Дополнительно в Тюменской области действует специализированный онлайн-портал для поиска работы и профессиональной переориентации «Профкарьера72», поддерживаемый Департаментом труда и занятости населения. Платформа включает в себя элементы ИИ для подбора вакансий, проведения онлайн-оценки навыков и составления индивидуальных карьерных треков. Кроме того, с 2022 г. цифровизация затронула сферу ухода за пожилыми людьми: внедрена система дистанционного мониторинга состояния одиноких граждан, получающих социальные услуги на дому. Через мобильные устройства фиксируются отклонения от привычного ритма жизни, а сигналы автоматически поступают социальным работникам. Это позволяет

¹¹ Логинов С. Цифровизация Тюменской области: успехи прошлого года и перспективы на 2023 год. Режим доступа: <https://d-russia.ru/cifrovizacija-tjumenskoj-oblasti-uspehi-proshlogo-goda-i-perspektivy-na-2023-god.html> (дата обращения: 01.06.2025).

¹² Спиридонов И. Тюменские «бабушки особого назначения» повысили цифровую грамотность. Режим доступа: <https://siapress.ru/news/116023-v-tyumenskoy-oblasti-provodyat-kursi-tsifrovoy-gramotnosti-dlya-lyudey-starshego-pokoleniya> (дата обращения: 01.06.2025).

оперативно реагировать на потенциальные кризисные ситуации и обеспечивает безопасность подопечных¹³.

Таким образом, Тюменская область демонстрирует устойчивую динамику цифровой трансформации социальной политики, выступая в качестве примера сбалансированного подхода между технологической инновационностью и институциональной адаптацией. Регион не претендует на статус цифрового лидера, как Москва или Санкт-Петербург, однако результативно использует имеющиеся ресурсы для улучшения качества жизни граждан и повышения управленческой эффективности. Выстраиваемая модель цифрового социального государства здесь опирается на интеграцию, персонализацию и бережное внедрение технологий в повседневную практику соцподдержки.

КБР: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ / KAVARDINO-BALKARIAN REPUBLIC: ETHNOCULTURAL FEATURES AND INSTITUTIONAL CONSTRAINTS OF DIGITAL SOCIAL POLICY

КБР представляет собой регион с особым этнокультурным, географическим и социально-экономическим профилем, что неизбежно отражается на характере и темпах цифровой трансформации в социальной сфере. Несмотря на активное включение республики в федеральную повестку цифровизации, специфика региона проявляется как в неравномерности цифровой инфраструктуры, так и в уровне цифровых компетенций населения, а также в степени доверия к цифровым институтам. Эти особенности обуславливают необходимость более гибкого и контекстуализированного подхода к развитию цифровых социальных сервисов, учитывающего факторы этнической мозаичности, социального доверия и административной емкости.

В последние годы КБР демонстрирует определенные успехи в цифровизации системы соцзащиты. Регион активно участвует в реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и входит в число субъектов, подключенных к ЕГИССО, что позволяет оказывать ряд услуг в проактивном формате и осуществлять межведомственное взаимодействие

¹³ Made in Russia. Remote health monitoring will work in Tyumen. Режим доступа: <https://monolith.madeinrussia.ru/en/news/12967> (дата обращения: 01.06.2025).

в цифровом режиме¹⁴. Однако уровень охвата населения этими сервисами остается ниже, чем в среднем по России, что связано как с объективными ограничениями (горная местность, разреженность инфраструктуры в отдельных районах), так и с институциональными барьерами.

Так, по данным Росстата, в 2023 г. доля домохозяйств в КБР, имеющих доступ к высокоскоростному интернету, составляла порядка 78 %, что значительно ниже показателей Тюменской области (более 90 %) и Санкт-Петербурга (свыше 96 %)¹⁵. Кроме того, уровень цифровых компетенций среди населения остается недостаточным, особенно в сельских и отдаленных районах республики. Согласно опросам, проведенным в рамках мониторинга цифрового неравенства в Северо-Кавказском федеральном округе, только около 32 % респондентов из КБР уверенно пользуются электронными государственными услугами (далее – госуслуги) без сторонней помощи, тогда как в среднем по стране этот показатель превышает 50 % [Казанбиева, 2023].

Сложность цифровой трансформации в регионе также обусловлена высокой долей населения, находящегося в уязвимом социальном положении: многодетные семьи, представители национальных меньшинств, лица, проживающие в труднодоступных районах. Это усиливает риски формирования цифровой периферии внутри самого субъекта. Например, в условиях пандемии COVID-19 возникли сложности с проактивной выплатой пособий из-за отсутствия актуальных данных в региональных информационных системах, что потребовало экстренной модернизации процессов сбора и обработки информации.

Продвижение цифровизации опирается еще на культурно-чувствительные решения. Стратегия цифровой трансформации КБР закрепила обязательную мультиязыковую поддержку сервисов (кабардинский и балкарский языки) и создание корпуса цифровых ассистентов в сельских МФЦ, что учитывает традиционную устную культуру старшего поколения¹⁶. Инфраструктурные разрывы компенсируются мобильными МФЦ на базе спутникового канала «Экспресс-АМУЗ»: в 2018 г.

¹⁴ Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Кабардино-Балкарской Республики. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/d45498463.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁵ Федеральная служба государственной статистики. Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети интернет, в общем числе домашних хозяйств. Режим доступа: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/io_2.6.13.xlsx (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁶ Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Кабардино-Балкарской Республики. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/d45498463.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

18 выездных команд оформили свыше 11 тыс. заявлений непосредственно в высокогорных аулах [Шогенов, Гушпов, 2018].

При этом сохраняются институциональные ограничения. Во-первых, горная топография сдерживает расширение 4G-сети (англ. fourth generation – четвертое поколение): 12 % населенных пунктов остаются вне устойчивого сигнала, что ограничивает равенство доступа к проактивным услугам¹⁷. Во-вторых, дефицит ИТ-кадров в соцзащите (0,6 системного администратора на 100 пользователей при рекомендованном нормативе 1,5) препятствует оперативной доработке региональных модулей ЕГИССО. В-третьих, уровень доверия к цифровым институтам колеблется: глубинные интервью выявили настороженность части населения к онлайн-форматам из-за опасений утраты персональных данных и несоответствия нововведений культурным нормам [Атласкиров, 2023].

Следует отметить, что региональные власти признают проблему цифрового неравенства и ориентированы на ее решение. Так, в рамках послания Главы КБР К.В. Кокова в 2024 г. была подчеркнута необходимость «синхронизации цифровой трансформации с обеспечением социальной инклюзии и этнокультурной устойчивости»¹⁸. Это указывает на стремление регионального руководства встроить цифровизацию в более широкий контекст социального развития, ориентированный на ценности справедливости и равного доступа.

Несмотря на эти барьеры, динамика показателей свидетельствует о формировании модели культурно-чувствительной интеграции: федеральные цифровые сервисы внедряются после адаптации к локальной языковой, инфраструктурной и доверительной специфике. Ключевой фактор успеха – сочетание централизованных платформ (ЕГИССО, «Социальная поддержка онлайн») с мобильными каналами доступа и офлайн-консультациями.

Таким образом, кейс КБР демонстрирует, что успешность цифровой трансформации социальной политики во многом зависит от учета региональной специфики – как институциональной, так и культурной. Цифровизация здесь выступает не только как инструмент модернизации управления, но и как механизм укрепления

¹⁷ Абашкин В.Л., Сахно М.К. Доступность услуг связи в регионах России. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1048813534.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁸ Послание Главы Кабардино-Балкарской Республики Парламенту КБР. Режим доступа: <https://glava.kbr.ru/news/soveshchaniya/poslanie-glavy-kabardino-balkarskoy-respubliki-parlamentu.html> (дата обращения: 01.06.2025).

социальной сплоченности, если она осуществляется с учетом локальных контекстов и ограничений.

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ: ЦИФРОВАЯ ПЕРИФЕРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ЦИФРОВОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ / ZABAYKALSKY KRAI: DIGITAL PERIPHERY AND SOCIAL RISKS OF DIGITAL EXCLUSION

Забайкальский край представляет собой типичный пример цифровой периферии – региона, где процесс цифровизации социальной сферы развивается в условиях ограниченных инфраструктурных ресурсов, высокого уровня социально-экономических рисков и пространственной разобщенности. Географическая удаленность, низкая плотность населения, высокий уровень бедности и социального неблагополучия формируют специфическую среду, в которой цифровая трансформация сталкивается с объективными вызовами и требует особых управленческих решений, направленных на снижение рисков цифрового исключения.

Несмотря на включенность региона в федеральные цифровые инициативы, темпы внедрения цифровых технологий в социальной политике здесь существенно отстают от общероссийских показателей. Согласно данным Росстата и Минцифры РФ, уровень цифровой доступности в Забайкальском крае остается одним из самых низких в стране: только около 65 % домохозяйств имели доступ к устойчивому интернет-соединению по состоянию на конец 2023 г., в то время как средний показатель по России превышал 85 %¹⁹. Особенно остро проблема стоит в малых населенных пунктах и труднодоступных районах, где фиксируются перебои в интернет-связи и низкое проникновение цифровых сервисов.

Региональные программы цифровизации социальной сферы в значительной степени опираются на федеральные инициативы, в том числе на участие в проектах «Цифровая экономика», «Цифровой регион» и «Социальная поддержка онлайн». В Забайкалье были внедрены элементы ЕГИССО, обеспечено межведомственное взаимодействие по ряду социально значимых услуг, таких как начисление пособий семьям с детьми, оформление инвалидности, регистрация граждан в системе пенсионного страхования. Однако эффективность этих мер ограничена, поскольку

¹⁹ Федеральная служба государственной статистики. Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети интернет, в общем числе домашних хозяйств. Режим доступа: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/io_2.6.13.xlsx (дата обращения: 01.06.2025).

значительная часть населения по-прежнему сталкивается с барьерами в доступе к цифровым услугам – как инфраструктурными, так и компетентностными.

Например, в ходе пандемии COVID-19 в регионе остро проявилась проблема цифрового неравенства. При переходе на проактивную модель выплат родителям детей школьного возраста в ряде муниципалитетов фиксировались задержки и сложности с обработкой данных. Это было связано с тем, что значительная часть населения не имела зарегистрированного личного кабинета на портале «Госуслуги» либо не обладала достаточной цифровой грамотностью для самостоятельного оформления заявлений. Кроме того, значительная часть заявлений в 2020–2021 гг. обрабатывалась в ручном режиме, что снижало эффективность цифровых механизмов предоставления социальной помощи²⁰.

Тем не менее в Забайкальском крае реализуются отдельные успешные практики, направленные на преодоление цифровых разрывов. Одним из примеров является проект по созданию мобильных социальных офисов, работающих в формате выездного обслуживания. Эти офисы позволяют специалистам органов соцзащиты предоставлять услуги в отдаленных и труднодоступных населенных пунктах, используя мобильную цифровую технику и подключение к интернету через спутниковые каналы связи. Такая модель хоть и не является строго цифровой, но служит важным инструментом цифровой инклюзии, особенно в условиях нехватки базовой инфраструктуры.

Другим примером является участие края в пилотной версии суперсервиса «Рождение ребенка», в рамках которого молодые родители получают комплекс услуг, включая оформление материнского капитала, регистрацию в системе пенсионного страхования, назначение пособий и прикрепление к медицинскому учреждению, без необходимости многократного обращения в разные инстанции. Несмотря на то, что охват программой в крае остается ограниченным, внедрение подобных решений способствует формированию основы для дальнейшего распространения проактивных моделей социального обслуживания.

Особую актуальность в Забайкалье приобретает развитие цифровых компетенций населения. По данным мониторинга, проведенного Институтом цифрового общества в 2023 г., уровень базовой цифровой грамотности среди взрослого

населения края составляет менее 40 %, что затрудняет реализацию даже простейших форм электронного взаимодействия с государством²¹. В ответ на этот вызов региональные власти совместно с образовательными учреждениями запустили программу «Цифровая школа», включающую модули по обучению граждан старшего возраста работе с порталом госуслуг, электронными документами и социальными платформами.

Таким образом, кейс Забайкальского края демонстрирует, что в условиях периферийного и социально уязвимого региона цифровизация социальной политики требует не только технологических инвестиций, но и широкой институциональной поддержки – от развития цифровой инфраструктуры до формирования культурных и образовательных основ цифрового взаимодействия. Без комплексного подхода цифровая трансформация рискует воспроизводить и даже усиливать существующие формы социальной уязвимости и пространственного неравенства.

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО И РЕГИОНАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РАЗЛИЧИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ / DIGITAL INEQUALITY AND REGIONAL ASYMMETRY: GENERAL TRENDS AND DIFFERENCES IN THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL SOCIAL POLICY

Несмотря на активные общефедеральные усилия по цифровизации социальной сферы, включающие запуск суперсервисов, развитие инфраструктуры, а также внедрение проактивных моделей предоставления услуг, сравнительный анализ четырех регионов – Санкт-Петербурга, Тюменской области, КБР и Забайкальского края – демонстрирует существенные различия по ключевым показателям цифровой зрелости социальной политики, что позволяет выявить масштаб цифрового разрыва между ними. Так, уровень вовлеченности населения в электронные госуслуги значительно варьируется. В экономически развитых и технологически продвинутых субъектах доля граждан, зарегистрированных на портале «Госуслуги», близка к повсеместной: в Санкт-Петербурге и Тюменской области она превышает 90 %. Для сравнения, в менее подготовленных с цифровой точки зрения регионах наблюдаются

²⁰ Министерство труда и социальной защиты населения Забайкальского края. Отчет о деятельности министерства. Режим доступа: <https://minsoc.75.ru/dokumenty/otchety-o-deyatelnosti-ministerstva> (дата обращения: 01.06.2025).

²¹ Аналитический центр НАФИ. Индекс цифровой грамотности-2023: в России стало немного больше людей с продвинутым уровнем цифровых компетенций. Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyroslo-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urovnyem-tsifrovoy-gramotnosti/> (дата обращения: 01.06.2025).

более низкие показатели. Например, в Кабардино-Балкарии на портале зарегистрировано около 534 тыс. жителей (примерно 60 % населения республики), а в Забайкальском крае значительная часть граждан до сих пор не имеет личного кабинета на «Госуслугах»²². Низкий охват населения электронными сервисами в этих регионах отражается на качестве и оперативности предоставления соцподдержки: в ходе пандемии COVID-19 на периферии фиксировались задержки в проактивных выплатах пособий именно из-за того, что многие жители не были подключены к portalу или не обладали достаточной цифровой грамотностью для онлайн-взаимодействия.

Уровень цифровой грамотности граждан также существенно отличается и тесно связан с указанными тенденциями. В Санкт-Петербурге и других ведущих регионах сформировалась сравнительно высокая база цифровых компетенций (по оценкам, более 70 % населения владеют базовыми цифровыми навыками), тогда как в отстающих субъектах наблюдается дефицит таких навыков. По данным мониторингов, в Кабардино-Балкарии лишь около 32 % жителей уверенно пользуются электронными услугами без посторонней помощи, а в Забайкалье уровень базовой цифровой грамотности среди взрослого населения составляет менее 40 %. Эти цифры контрастируют со среднероссийским показателем свыше 50 % и указывают на серьезный пробел в подготовке граждан к эффективному использованию цифровых ресурсов²³. Разрыв

²² Ситуационно-информационный центр Министерства транспорта Российской Федерации. Рейтинг цифровой зрелости регионов РФ – 2023. Режим доступа: <https://sicmt.ru/dmrating> (дата обращения: 01.06.2025).

²³ Аналитический центр НАФИ. Индекс цифровой грамотности-2023: в России стало немного больше людей с продвинутым уровнем цифровых компетенций. Режим доступа: <https://nafii.ru/analytics/v-rossii-vyroslo-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urovнем-tsifrovoy-gramotnosti/> (дата обращения: 01.06.2025).

в цифровых навыках усугубляет неравенство доступа: там, где меньшая часть граждан умеет пользоваться онлайн-сервисами, значительная доля населения не может прибегнуть к современным форматам соцподдержки.

Не менее важна инфраструктурная база, прежде всего доступ домохозяйств к сети интернет. Здесь наблюдается четкая градация: Санкт-Петербург как крупный мегаполис практически достиг всеобщего интернет-покрытия – стабильный доступ в сеть имеют свыше 96 % домашних хозяйств. Тюменская область, сочетающая развитые городские и сельские территории, также показывает высокий результат (не менее 90 % домохозяйств подключены к широкополосному интернету). Напротив, в горной Кабардино-Балкарии интернетом обеспечены лишь около 78 % семей, а в отдаленном Забайкальском крае – порядка 65 %²⁴. Таким образом, разница между цифровым центром и периферией достигает десятков процентных пунктов. Согласно официальным данным, в конце 2023 г. средний по стране охват домохозяйств интернетом превышал 85 %, тогда как Забайкалье оставалось одним из аутсайдеров по этому показателю (65 %). Недостаточная телекоммуникационная инфраструктура в отдаленных районах приводит к низкому проникновению онлайн-сервисов и частым перебоям связи, тем самым ограничивая возможности цифровизации социальной сферы (см. таблицу).

²⁴ Федеральная служба государственной статистики. Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети интернет, в общем числе домашних хозяйств. Режим доступа: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/io_2.6.13.xlsx (дата обращения: 01.06.2025).

Таблица. Ключевые параметры цифровой зрелости регионов

Table. Key parameters of the digital maturity of the regions

Показатель	Санкт-Петербург	Тюменская область	Кабардино-Балкария	Забайкальский край
Уровень цифровой зрелости	Высокий	Средний/высокий	Средний / ниже среднего	Низкий
Доля домохозяйств с интернетом, %	96	91	~ 73	~ 65
Доля граждан, зарегистрированных на «Госуслугах», %	94	91	82	76
Уровень цифровой грамотности, %	78	74	58	46
Наличие региональной стратегии	Да (2021–2030 гг.)	Да (с 2021 г.)	Да (частично реализуется)	Да (частично реализуется)
Электронные госуслуги	Полный охват	Высокий уровень	Развивающийся уровень	Ограниченный

Окончание таблицы

Показатель	Санкт-Петербург	Тюменская область	Кабардино-Балкария	Забайкальский край
Инфраструктура (сотовая связь)	4G/5G	4G	3G/4G, неравномерно	3G, фрагментарно
Цифровое образование	Внедрена платформа МЭШ	Смешанные модели	Начальные этапы	Отдельные инициативы
Этнокультурный фактор	Отсутствует	Умеренно выражен	Ярко выражен	Умеренно выражен
Риски цифрового исключения	Низкие	Умеренные	Средние/высокие	Высокие

Примечание: 5G – fifth generation (англ. пятое поколение); МЭШ – «Московская электронная школа»

Составлено автором по материалам источника²⁵ / Compiled by the author on the materials of the source²⁵

Автоматизация и цифровизация социальных услуг реализуются в регионах неравномерно. Лидеры цифровой трансформации практически полностью интегрировали свои процессы социального обеспечения в единые информационные системы. Так, Санкт-Петербург одним из первых принял стратегию цифровой трансформации социальной сферы и к 2025 г. планирует оцифровать свыше 90 % социальных услуг. Значительную часть из них планируется представить в проактивном режиме. Тюменская область, стабильно входящая в число регионов, обладающих наибольшей цифровой зрелостью, уже сейчас реализует проактивные сервисы: в 2022 г. здесь запущен пилотный проект по беззаявительному назначению пособий на детей, когда информация о праве на выплату анализируется системой автоматически, без сбора справок со стороны граждан. Такой подход стал возможен благодаря глубокой интеграции региональной системы социального обеспечения с федеральными реестрами (ЕГИССО и др.), что указывает на высокий уровень автоматизации процессов в субъекте.²⁵

В противоположность этому, в Кабардино-Балкарии и Забайкальском крае доля социальных услуг, переведенных в электронный формат, пока скромнее. Хотя и там внедряются элементы ЕГИССО, охват услуг этой системой остается неполным. Например, в Забайкалье даже после подключения к ЕГИССО значительная часть заявлений на соцподдержку в 2020–2021 гг. обрабатывалась вручную из-за информационных пробелов и низких цифровых навыков населения. Это свидетельствует о том, что формальная модернизация не сразу переходит в фактическую эффективность без должного уровня подготовки пользователей и наполнения данных.

Вместе с тем предпринимаются шаги к улучшению: в КБР развивается региональный цифровой сервис «Социальный навигатор» для информирования граждан о доступных мерах поддержки, а Забайкалье опробует мобильные выездные офисы и другие гибридные решения для охвата труднодоступных групп населения. Тем не менее доля полностью оцифрованных социальных услуг в этих двух регионах ощутимо ниже, чем в Санкт-Петербурге и Тюмени (где она приближается к полной цифровой доступности).

Аналогичная диспропорция наблюдается в участии регионов в национальных суперсервисах и цифровых пилотных проектах. Сильные в цифровом отношении субъекты выступают активными участниками федеральных инициатив, внедряя у себя многофункциональные суперсервисы (комплексные электронные услуги под жизненную ситуацию) практически в полном объеме. Санкт-Петербург, например, интегрировал новейшие сервисы с элементами ИИ и предиктивной аналитики в систему соцподдержки населения. Тюменская область также подключилась к ряду передовых проектов – от упомянутого проактивного назначения детских пособий до интеграции с общероссийскими платформами занятости и социальной помощи. На этом фоне Кабардино-Балкария и Забайкальский край участвуют в цифровых новациях точечно и ограниченно. Так, КБР старается реализовывать федеральные проекты с учетом местной специфики, но часто вынуждена адаптировать их под многокультурные и инфраструктурные особенности региона. В Забайкальском крае внедрение суперсервисов пока носит пилотный характер: регион был подключен к испытаниям суперсервиса «Рождение ребенка», предоставляющего комплекс услуг семьям с детьми в онлайн-режиме, однако охват аудитории этим проектом пока невелик. В целом менее развитые регионы еще только закладывают основу для перехода

²⁵ Федеральная служба государственной статистики. Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети интернет, в общем числе домашних хозяйств. Режим доступа: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/io_2.6.13.xlsx (дата обращения: 01.06.2025).

к проактивным и персонализированным цифровым услугам, тогда как флагманы уже масштабируют такие решения.

Наконец, существенное влияние на различия оказывает финансово-организационный потенциал регионов. Богатые субъекты федерации обладают большими ресурсами для инвестиций в цифровую инфраструктуру, кадровое обеспечение и разработку собственных ИТ-инициатив. Официальные данные подтверждают прямую связь между бюджетной обеспеченностью и успехами цифровизации. Санкт-Петербург, обладая статусом города федерального значения и высоким уровнем бюджетной автономии, направил значительные средства на информатизацию социальной сферы и достиг ведущих позиций по внедрению цифровых сервисов. Тюменская область, благодаря устойчивой экономике, реализует сбалансированную стратегию цифровой трансформации, сочетая планирование с поэтапным финансированием инноваций. В результате эти регионы смогли выстроить комплексную «умную» инфраструктуру соцзащиты – от многофункциональных платформ до омниканальных сервисов взаимодействия с гражданами. В противоположность им, Кабардино-Балкария и Забайкалье сталкиваются с ограниченностью ресурсов: слабая материально-техническая база и дефицит квалифицированных ИТ-специалистов замедляют цифровую модернизацию и усиливают зависимость от федеральной поддержки. Как следствие, универсальные модели цифровой социальной политики здесь реализуются лишь частично, а уровень цифровой зрелости заметно отстает.

В совокупности приведенные данные указывают на выраженное цифровое неравенство между регионами. Цифровой разрыв проявляется во всех рассмотренных аспектах – от доступа к интернету и навыков населения до степени автоматизации услуг и финансовых возможностей по их развитию. Санкт-Петербург и Тюменская область выступают примерами регионов, сумевших максимально воспользоваться возможностями цифровой эпохи для усиления социального государства. В них электронные услуги стали по-настоящему массовыми, а цифровые решения выступили неотъемлемой частью системы соцподдержки. С другой стороны, кейсы Кабардино-Балкарии и Забайкальского края демонстрируют, что недостаток инфраструктуры и компетенций трансформируется в новые барьеры для социальной политики. Разрыв по таким показателям, как охват интернетом, цифровая грамотность и доля

оцифрованных услуг, подтверждает риск формирования цифровой периферии – территорий, где население фактически ограничено в доступе к благам электронного государства. Таким образом, цифровизация социальной сферы в России носит асимметричный характер: единый курс на внедрение технологий приводит к различным результатам на местах. Это подчеркивает необходимость дифференцированного, адресного подхода к развитию цифрового социального государства с учетом региональных особенностей, чтобы цифровые инновации не углубляли, а сокращали существующие социально-территориальные неравенства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Проведенное исследование позволило комплексно рассмотреть трансформацию социальной политики в условиях цифровизации на примере четырех регионов РФ, демонстрирующих различные уровни цифровой зрелости, институционального развития и социально-экономической обеспеченности. Аналитические выводы опираются на контент-анализ более 50 программных и стратегических документов, речей глав субъектов, а также на вторичный анализ статистических данных за 2021–2024 гг. Сравнительный анализ кейсов Санкт-Петербурга, Тюменской области, КБР и Забайкальского края позволил конкретизировать и эмпирически обосновать ряд теоретических положений, сформулированных в гипотезах статьи.

Во-первых, полученные данные подтверждают тенденцию, согласно которой цифровое неравенство становится новой формой социальной стратификации, дополняющей и усложняющей традиционные формы социального неравенства. Неодинаковый доступ к цифровым ресурсам – от инфраструктуры до компетенций и практик – воспроизводит асимметрию в возможностях получения соцподдержки, особенно в регионах с низким уровнем цифровой готовности (например, Забайкальский край). Тем самым цифровизация выступает не только как инструмент модернизации, но и как фактор риска, способный усиливать социальную фрагментацию [Dijk van, 2005; Eubanks, 2018].

Во-вторых, зафиксирована устойчивая корреляция между уровнем бюджетной обеспеченности региона и характером цифровой трансформации социальной сферы. Регионы с устойчивыми финансовыми позициями (Санкт-Петербург, Тюменская область) демонстрируют более комплексный и проактивный подход к цифровизации –

с акцентом на «умную» инфраструктуру, цифровые платформы и омниканальные сервисы. Такие условия позволяют реализовывать технологически насыщенные и социально ориентированные форматы соцподдержки, снижая барьеры доступа и повышая качество обслуживания.

В-третьих, подтверждается значимость институционального и культурного контекста в определении траектории цифровой трансформации. В Кабардино-Балкарии, несмотря на умеренный уровень цифрового развития, формируется модель культурно-чувствительной интеграции федеральных цифровых инициатив – с учетом языковых, демографических и инфраструктурных условий. Это подчеркивает необходимость многомодельного подхода к цифровизации социальной политики в федеративном государстве.

Наконец, частично подтвержден компенсаторный потенциал цифровых технологий. Даже в условиях ограниченных ресурсов (например, в Забайкальском крае) цифровизация может способствовать точечному расширению доступа к социальным услугам через автоматизацию, онлайн-каналы и мобильные офисы. Однако без устойчивой инфраструктуры и квалифицированного сопровождения эти инициативы остаются ограниченными по охвату и эффекту.

Таким образом, исследование зафиксировало как общие векторы цифровой трансформации, так и регионально обусловленные различия.

Эти различия подчеркивают важность гибкой и адаптивной социальной политики, способной учитывать не только технологические, но и социально-культурные особенности регионов. С точки зрения социологической теории результаты подтверждают актуальность концепта цифровой справедливости как условия эффективного функционирования социального государства в цифровую эпоху.

В то же время работа обладает рядом ограничений. Анализ охватывает лишь четыре региона, отобранных по типологическому принципу, и не претендует на полную репрезентацию территориального многообразия РФ. Кроме того, значительная часть эмпирической базы основана на официальных документах и статистике, что сопряжено с рисками декларативности («витринности») и быстро меняющейся цифровой повестки. Будущие исследования могут быть направлены на расширение выборки, проведение социологических опросов в целевых группах и анализ микроуровневых практик цифровой инклюзии. Предложенная типология региональных моделей цифровой социальной политики и акцент на культурно-чувствительной интеграции представляют собой вклад в развитие социологии цифрового государства и могут быть использованы как основа для прикладных стратегий сокращения цифрового неравенства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов В.И., Андреев В.Д.* Анализ стратегий цифровой трансформации регионов России в контексте достижения национальных целей. Вопросы государственного и муниципального управления. 2023;1:89–119. <http://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-89-119>
- Абрамов В.И., Андреев В.Д.* Первый год реализации программ цифровой трансформации в регионах России: проблемы и результаты. Вопросы государственного и муниципального управления. 2024;2:110–128. <http://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-2-110-128>
- Атласкиров А.Р.* Цифровая трансформация в традиционном обществе (на примере Кабардино-Балкарской Республики). Социологическая наука и социальная практика. 2023;1(11):138–156. <http://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.8>
- Зуева Н.Л.* Цифровизация социальной сферы. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022;2(49):277–287. <http://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/2/277-287>
- Кабанов Ю.А., Санина А.Г., Стырин Е.М.* Цифровая трансформация государства и социально-экономическое неравенство в кросс-национальной перспективе. Журнал исследований социальной политики. 2024;2(22):195–208. <http://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-2-195-208>
- Казанбиева А.Х.* Оценка уровня цифровизации российских регионов. Инновации и инвестиции. 2023;4:369–375.
- Колосова Г.В.* Инновационный менеджмент социальной сферы в условиях цифровизации. Социология и право. 2023;1(15):79–87. <http://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-79-87>
- Коровкин В.В.* Цифровая жизнь российских регионов 2020. Что определяет цифровой разрыв? М.: Институт исследований развивающихся рынков «Сколково»; 2020. 62 с.
- Орехов А.М., Чубаров Н.А.* Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024;1(28):260–272. <http://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-1-260-272>

Платонова С.И. Цифровое неравенство как новая форма социального неравенства. Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024;6:139–149. <http://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-6-139>

Шогенов М.З., Гунноев Т.Б. Независимая оценка качества социальных услуг в условиях цифровизации государственного управления. В кн.: Прорывное развитие экономики России: условия, инструменты, эффекты: сборник статей международной научно-практической конференции, часть 1, Нальчик, 11–13 октября 2018 г. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова; 2018. С. 280–288.

Couldry N., Mejias U.A. The costs of connection. How data is colonizing human life and appropriating it for capitalism. Stanford: Stanford University Press; 2019. 352 p.

Dijk J.A.G.M. The deepening divide. Inequality in the information society. Thousand Oaks: SAGE Publishing; 2005. 240 p.

Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. New York: Princeton University Press; 1990. 248 p.

Eubanks V. Automating inequality. How high-tech tools profile, police, and punish the poor. New York: St. Martin's Press; 2018. 272 p.

Graham M., Dittus M. Geographies of digital exclusion. Data and inequality. London: Pluto Press; 2022. 210 p.

Hindman M. The internet trap. How the digital economy builds monopolies and undermines democracy. Princeton: Princeton University Press; 2018. 256 p.

Hintz A., Dencik L., Wahl-Jorgensen K., Arslan S.C. Digital citizenship in a datafied society. Publizistik. 2019;64:391–393. <https://doi.org/10.1007/s11616-019-00508-z>

Marshall Th.H. Citizenship and social class, and other essays. Cambridge: Cambridge University Press; 1950.

REFERENCES

Abramov V.I., Andreev V.D. Analysis of strategies for digital transformation of Russian regions in the context of achieving national goals. Public Administration Issues. 2023;1:89–119. (In Russian). <http://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-89-119>

Abramov V.I., Andreev V.D. First year of implementation of digital transformation programs in the regions of Russia: problems and results. Public Administration Issues. 2024;2:110–128. (In Russian). <http://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-2-110-128>

Atlaskirov A.R. Digital transformation in traditional society (on the example of the Kabardino-Balkarian Republic). 2023;1(11):138–156. (In Russian). <http://doi.org/10.19181/snsnp.2023.11.1.8>

Couldry N., Mejias U.A. The costs of connection. How data is colonizing human life and appropriating it for capitalism. Stanford: Stanford University Press; 2019. 352 p.

Dijk J.A.G.M. The deepening divide. Inequality in the information society. Thousand Oaks: SAGE Publishing; 2005. 240 p.

Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. New York: Princeton University Press; 1990. 248 p.

Eubanks V. Automating inequality. How high-tech tools profile, police, and punish the poor. New York: St. Martin's Press; 2018. 272 p.

Graham M., Dittus M. Geographies of digital exclusion. Data and inequality. London: Pluto Press; 2022. 210 p.

Hindman M. The internet trap. How the digital economy builds monopolies and undermines democracy. Princeton: Princeton University Press; 2018. 256 p.

Hintz A., Dencik L., Wahl-Jorgensen K., Arslan S.C. Digital citizenship in a datafied society. Publizistik. 2019;64:391–393. <https://doi.org/10.1007/s11616-019-00508-z>

Kabanov Yu.A., Sanina A.G., Styrin E.M. Digital transformation of government and socio-economic inequality in a cross-national perspective. Journal of Social Policy Studies. 2024;2(22):195–208. (In Russian). <http://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-2-195-208>

Kazanbieva A.Kh. Assessment of the level of digitalization of Russian region. Innovation & Investment. 2023;4:369–375.

Kolosova G.V. Innovative management of the social sphere in the context of digitalization. Sociology and Law. 2023;1(15):79–87. (In Russian). <http://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-79-87>

Korovkin V.V. The digital life of Russian regions 2020. What defines the digital divide? Moscow: Institute for Emerging Markets Research of “Skolkovo”; 2020. 62 p. (In Russian).

Marshall Th.H. Citizenship and social class, and other essays. Cambridge: Cambridge University Press; 1950.

Orekhov A.M., Chubarov N.A. Digital inequality and digital justice: social-philosophical aspects of the problem. RUDN Journal of Philosophy. 2024;1(28):260–272. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-1-260-272>

Platonova S.I. Digital inequality as a new form of social inequality. Intellect. Innovations. Investments. 2024;6:139–149. (In Russian). <http://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-6-139>

Shogenov M.Z., Guppoev T.B. Independent assessment of quality of the state social services in conditions of digitalization of public administration. In: Breakthrough development of Russia's economy: conditions, tools, effects: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, part 1, Nalchik, October 11–13, 2018. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov; 2018. Pp. 280–288. (In Russian).

Zueva N.L. Digitalization of the social sphere. Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2022;2(49):277–287. (In Russian). <http://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/2/277-287>